

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Сборник Всероссийского семинара молодых ученых
им. П.В. Копнина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

**«ИСТИНА НА ГРАНИЦАХ»: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ,
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ****Г.И. ПЕТРОВА**

Идея статьи достаточно банальна и состоит в том, что современное состояние науки даёт основание говорить о возможности открытия научной истины в пограничных зонах, в сцеплениях и переплетениях различных наук. На новизну могут претендовать лишь авторские интуиции, высказанные относительно некоторых нюансов в аргументации названной идеи, а именно тех, что связаны с констатацией специфики постметафизического конструирования научной онтологии.

Было бы также банально аргументацию начинать с того, что современная наука, отказавшись от логико-методологической строгости и поместив себя в культуру, предложила возможность искать истину при учёте воздействия культурного фона, ментального, мировоззренческого и т.п. контекстов развития. Не банальным, однако, будет утверждение о том, что сам культурный фон и культурные изменения сегодня стали характеризоваться принципиально новыми чертами, и научная истина не может не перенимать их на себя. Новое пришло в связи с тем, что классическая культура, уступив место культурной неклассике, обрела себя в ситуации деконструирования каких-либо культурных доминант развития – доминант, всегда в прошлом обуславливающих однозначность на конкретных исторических этапах культурных смыслов, канонов, идеалов, норм и образцов развития. В классике названное единство способствовало выработке традиции как механизма культурного развития. Традиция стабилизировала культуру, делала её устойчивой, обеспечивала культурные горизонты, очерчивала её рамки и пределы. Всё, что выходило «за», квалифицировалось как культурная девиация. В данной логике рассуждения важно зафиксировать тот момент, что традиция задавала временной вектор развития культуры – развитие как совершенствование культурных состояний по заданным канонам, через их воспроизводство и перенос от прошлого состояния в настоящее и будущее. Это и стабилизировало культуру – стабилизировало во времени: культурная классическая доминанта всегда имела временной вектор движения. «Стрела времени» – это метафора классической культуры.

Но современная культура актуализирует принципиально новые характеристики собственного развития. Они оформляются в таких понятиях (теперь уже они претендуют на статус онтологических категорий), как «переход», «кризис», «хаос», «межбытие», «со-бытие», «онтология пере-» и др. Все они свидетельствуют о потере временной направленности развития культуры, потере ценности её перехода в другое качественно новое состояние и говорят о непрерывности самого движения, характеризуют процессуальность, подвижность, неустойчивость культурных онтологий. В собственной неустойчивости культура постоянно оказывается другой, новой. Новое – всегда новое – современный способ существования культуры, в котором теряется действительная ценность перехода (ибо он постоянен) в будущее, теряется временная направленность развития культуры. Ценность приобрело бытие «здесь-и-сейчас», бытие настоящего. Оно оказалось стоящим, чтобы на нём остановиться, стоять и наслаждаться конкретным моментом конечной жизни. И класси-

ческий вневременной и вечный трансцендентальный субъект, и чистые априори сознания, в работе которых рождалась столь же чистая от временных и исторических характеристик реальность, и Абсолютная Идея, триумфально созидающая тоже абсолютное внеисторическое бытие, – все знали неизменяемые, не подвластные трансформациям образцы созидания единого и вечного «бытия навсегда». Современного же неклассического эмпирического субъекта вечное бытие, бытие на будущее не интересует. Он живёт сейчас.

«Сейчас» – это и есть время современной культуры с её конкретными историческими характеристиками: конечностью, непрерывной процессуальностью, изменчивостью, неустойчивостью, постоянством движения и т.п. Какова онтология этого «сейчас»?

В описании указанной онтологии, конечно, замечаем, прежде всего, постоянство движения. Однако это движение не во времени, к нему не приложима метафора «стрелы времени». Оно – движение в пространстве, движение на одном месте, движение как коммуникация, коммуникативная подвижность. Линии такого движения многочисленны и разнонаправлены, не организованы в Логосе властным началом-субстанцией, но являют собой самоорганизацию многочисленных, мелькающих в постоянстве изменений, непрерывно сменяющих друг друга, но рядом сосуществующих локальных ситуаций («локалов», по Дерриде). В итоге в одно и то же время, не имея какой-то одной культурной доминанты, предстаёт множество разнокачественных образований – социокультурных проектов, программ, практик. Существовая вместе и легитимно, отвергая возможность культурной селекции, они находятся в сцеплениях, переплетениях и пересечениях, в результате которых образуются складки различных тематизаций, концептуализаций, актов мышления, суждений по поводу различных или даже одного объекта. Складчатое наслоение множественных культурных пластов легитимизирует их пространственное расположение в коммуникативном единстве различий сингулярного существования «здесь-и-сейчас».

Это – коммуникативная онтология культуры. Она отвергает «стрелу времени», базируется как на ключевой на идее пространственности, репрезентирует дискретность и гетерохронность различий, разрывов, переходов, которые, однако, нигде не ведут, не переходят. Они лишь свидетельствуют о постоянстве движения как бытия «между-сферы» [1], о бытийственной «длительности» [2, с. 47], «межсубъектности» [3, с. 54], «межбытии» [4, с. 144], «полифонической общности» [5, с. 443–447]. О современной культуре можно говорить как о культуре бездоминантных мерцающих сингулярных коммуникаций, культуре кризиса и хаоса, кризисной культуре, ибо кризис в ней становится нормой, хаотической культуре, ибо хаос здесь репрезентирует порядок. Культурная бездоминантность санкционирует порядок хаоса, из которого не предвидится перехода в порядок логики.

Деконструктивистские процессы в философии и культуре – деконструкция метафизики – не могли не затронуть и современную науку. В первую очередь, они сказались в отказе от онтологического осмысления науки в известных метаконструкциях – единого стиля научного мышления, общенаучной картине мира, единых нормах и идеалах научного знания и т.п. Это привело к либерализации науки (вплоть до методологического анархизма и легитимации контактов науки с другими формами знания), расширению границ её возможных коммуникаций, устранению власти единой истины и признанию научного релятивизма. Устранение единых стилизованных границ науки заставляет задуматься о классических критериях научного знания, например таких, как его общезначимость, объективность, диктат истины как центрирующего начала науки, обуславливающего состояние научных теорий, гипотез, проблем, фактов. Разрешённая в постметафизике неклассической философии свобода онтологических построений привела к необходимости конста-

тирывать новую научную онтологию. В словаре современной науки всё чаще употребляется понятие «коммуникативная онтология науки». Научные коммуникации, ставшие возможными при отказе от единства дисциплинарного построения науки, задают необходимость переосмысления тех научных детерминант, в рамках которых рождалась классическая истина.

Коммуникативная онтология науки свидетельствует не только о возникновении общих для различных наук междисциплинарных связей и отношений как единых коммуникативных пространств, но и о постоянстве научного движения, непрерывности научных коммуникаций, в которых теряются классически понятые предметность и объективность науки. Неклассический философский взгляд на науку позволяет констатировать в качестве её «предмета» внепредметную сферу процессуальности и неподвластных единому организационному началу трансформаций. Сам факт беспрерывных изменений, мельканий и мерцаний – факт постоянства становления в процессе самоорганизации научных коммуникаций – представил сегодня интерес для оформления «коммуникативного предмета» науки. Коммуникативная онтология науки, отказавшись от классически понятой научной предметности, легитимировала «плывущий», постоянно меняющийся, исчезающий и возникающий вновь как новый предмет науки.

При таком взгляде на науку закономерным является вопрос: как становятся возможными поиски истины? Что значит истина в ситуации коммуникативно организованной онтологии культуры и науки? Где она располагается?

Имея в виду специфику культурных и научных коммуникаций в их онтологическом значении, надо признать, что истина в науке при такой онтологии должна отказаться от критерия общезначимости в пользу постоянных разрывов всяческого согласия, любого общего единения. Истина в силу её процессуальности и коммуникативной организованности, скорее, рождается из постоянной критики всяческих генераций и общепринятых значений. Именно поэтому сегодня можно поставить под сомнение общезначимость как критерий классически репрезентирующей себя истины.

С другой стороны, если на критерий общезначимости посмотреть с точки зрения современной, неклассической, науки, то можно заметить укрепление его (критерия) позиций: истина становится значимой не в сфере одной научной дисциплины, но в междисциплинарной, то есть коммуникативной, сфере. Дисциплинарная наука – это порождение аналитического мышления, определившего своё значение и актуализированного в момент рождения научного знания во времена Декарта и Ньютона. Аналитические установки классической научной парадигмы вызвали необходимость разложить мир на составляющие его компоненты, углубляясь в изучение которых можно было открывать научную истину. Наука, специализированная по различным отраслям и направленная на анализ конкретных, разделённых друг от друга фрагментов природной или социальной реальности, – это картина дисциплинарно организованного научного знания. Оно характеризовалось высокой теоретичностью, фундаментальностью и необязательностью связи с практикой. И вне этой связи «кабинетная» наука вызвала интерес, и занятия ею приносили удовольствие и эстетическое наслаждение от увиденной логической красоты знания. Действительно, логическая упорядоченность, строгость, подчинённость единым основаниям, единство стиля научного мышления, единство парадигмального развития – всё свидетельствовало о стабильности, стройности, вечности науки и научной истины. Истины открывались в рамках отдельных наук и организовывали научную жизнь в границах отдельных дисциплин.

Но сегодня определить границы «чистой» науки – науки, отделённой в своей чистоте от других научных сфер, – трудно. Современные научные дисциплины – это не строго отграниченные области, рядоположенно существующие, нигде не

соприкасающиеся и не пересекающиеся друг с другом. Напротив, теперь они формируются в связях, в отношениях, в переходах, в «между-сфере» и в «межбытии» – в нелинейных сетевых взаимодействиях и коммуникативных переплетениях самых разных областей знания. Более того, коммуникативная онтология науки являет себя в сцеплениях фундаментального и прикладного знания, когда прикладное значение научных открытий и использование науки в практических технических целях не может больше рассматриваться в традиционно классическом плане строгого разделения. В самом деле, можно ли подчинить такой строгости современные нанотехнологии? Это, действительно, технология, то есть прикладное знание, или это знание фундаментальное? Общество высоких технологий – технологий Hi-Tech и Hi-Hume – рождается на основе междисциплинарного, коммуникативного синтеза неорганического и органического фундаментального и прикладного, теоретического и практического, фундаментального и технического и т.п.

Где в таком случае может располагаться научная истина?

Современная научная истина больше не может свидетельствовать о бесконечном и вечном углублении научного взгляда в пределы, в основания конкретных наук, существующих отдельно и изолированно от других сфер научного мира. В коммуникативных переплетениях химии, математики, геометрии, физики, истории, биологии, материаловедения и техники, медицины и различных гуманитарных наук, в постоянных и непрерывных сменах их конфигураций научная истина может являть себя только на стыках и границах разного знания, либо в его общих (для различных наук) коммуникативных зонах. Истина тоже в своей онтологии становится коммуникативной. Чтобы «увидеть» такую истину, субъекту науки необходимо обладать «коммуникативным зрением»: он помещает себя в эти общие научные пространства пересечения и переплетения и оттуда, изнутри сцеплений, смотрит одновременно в разные стороны, в разные сферы науки. Из этой позиции он видит и узнаёт истину не по её традиционным и классическим нарядам, но в её постоянных калейдоскопических переодеваниях, в мерцаниях относительности, в непрерывности изменений.

В свете коммуникативно понимаемой научной истины интересно было бы осуществить экспертизу современных модернизационных процессов в образовании. Каковы образовательные следствия осуществляющихся коммуникативных изменений в науке? Как в образовании можно «ухватить» мерцающую и в своей релятивности и изменчивости постоянно «обманывающую» истину, приобщиться к ней? Куда сегодня педагог может вести обучающегося (педаёгогос – тот, кто ведёт мальчика за руку в мир культуры, осуществляет Paideia)?

При постановке этих и подобных им вопросов становится понятно, что современная педагогика не может ориентировать образование на стратегию усвоения научного знания в его классическом понимании: как дисциплинарного, статичного, безусловного и абсолютного. Усвоение сегодня – это освоение и понимание изменчивости науки, готовность к релятивности истины и её возможному «обману» как ситуативной и контекстуальной, это игра с ней не по заданному неизменяемому алгоритму действия, но при постоянной готовности увидеть и понять её как другую. То место, откуда научная истина видна как мерцающая, манящая и играющая, есть коммуникативные научные зоны. Именно сюда обязан вести обучающегося современный педагог. Преимущество коммуникативно ориентированного в своих стратегических установках образования состоит в том, что в пространствах научных коммуникаций, в междисциплинарных сцеплениях и переплетениях научного знания вырабатывается коммуникативное зрение, так необходимое, чтобы «засечь», зафиксировать увлекательный танец современной научной истины.

Конечно, в современном образовании есть рефлексия по поводу высказанных идей. Об этом свидетельствует и стратегия междисциплинарности преподава-

ния, и ориентация на компетентностный подход, и актуализация тьюторской позиции в педагогической деятельности, и акцент на увеличение доли самостоятельной работы в образовательном процессе, и т.п. Всё это отдельные и требующие специальной разработки проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1994. № 6 (1995).
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с франц. М., 1998.
3. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
4. *Батищев Г.С.* Творчество с собственно философской точки зрения // Наука и творчество. Ярославль, 1986.
5. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. М., 1981.